

ОКНА СТАРЫХ ДОМОВ

Город

Он сидел и смотрел, как проглатывал город закат,
Как усердствовал ветер, хлестая оконные рамы,
Вдалеке полз трамвай, оставляя блестящие шрамы
На скачущих рельсах пустых кружевных эстакад.

Город странно затих, будто умер навеки, всерьёз,
По причине ухода короткого, знойного лета,
Хорошо, что не знают пока совершенно об этом
Веселящие призмы дворов огоньки алых роз.

Вместе с окнами сонных гигантов зажглись фонари,
Как чудные глазницы уставшего древнего бога,
Они будут гореть, освещая упрямым дорогу,
Пока их не подменит спасительный отблеск зари.

В переливах искрился витрин многогранный кристалл,
Преломясь в его свете, казались секвойями липы,
Кто-то в клетках квартир пережёвывал глупые клипы,
Кто-то жадно в казённых домах умножал капитал,

А он просто смотрел, как застыл его жизни штурвал,
Может быть, в те минуты его отдавали швартовы,
Он на город глядел, как на море притихшее,
снова и снова,
В ожидании шторма, с готовностью встретить свой вал.

Окна старых домов

Там, где солнце лучи разметало пращей,
Снеговик задремал на бетонной подставке,
Терпко пахнет бензином, смолой, да ещё
Тёплым хлебом, парящим в лотках автолавки.

Дым из труб растворяет небесную синь,
Закружился снежок, но мороз ещё стоек.
Проезжая, дивится водитель такси
Окнам старых домов посреди новостроек.

А они, словно двери в миры,
Держат судьбы людей, как безмолвные стражи, –
Где-то треснули рамы от летней жары,
А иные протравлены пылью и сажей.

Ты взглядишь в них, прохожий, успеешь пройти
В обезличенной массе людского потока,
Здесь, быть может, когда-то сойдутся пути
Тех, кто жизнь до сих пор прожигал одиноко.

Вон девчушка стоит, чья судьба – белый лист,
Через стёкла считая промёрзшие лужи,
Рядом алым салютом зацвёл декабрист,
Как издёвка над лютой крещенскою стужей.

В глубине серых стен кто-то любит и ждёт,
Кто-то горькую пьёт под пощёлки «поттише».
Может, чей-то сейчас будет прерван полёт,
Но душа воспарит над заснеженной крышей,

Вдруг замрёт на мгновенье, всплакнёт про себя
Под напев водосточных заржавленных дулец
И прощальной гастролью, тот город любя,
Полетит любоваться красотами улиц.

Орловские реки

Люблю красу орловских малых рек:
Любовши, Зуши, Пшевки... Так чудесно
Манит лазурных волн привычный бег,
В их именах журчит неспешно песня.

Так называют девушку в любви,
Любимую дочурку, что поменьше,
В них чистотою Спаса на Крови
Сияет светлый взгляд славянских женщин.

Умой лицо студёною водой,
Нажми на вёсла с молодецкой силой,
Промчится день, как жеребец гнедой,
Обласканный седеющим Ярилой.

К закату успокоятся ветра,
И соловей зальётся громче прочих,
А дымка полусонного костра
Обнимет стан душистой русской ночи.

Всплакнёт сова в берёзовой тиши,
Перемигнутся с путниками звёзды,
В небесной топкой, смоляной глуши
Сверкнёт зарница ласково, не грозно.

Люблю красу орловских малых рек –
Живые родники земного рая.
За пол-секунды, как отжить свой век,
Я вспомню благодать родного края.

Иван

Он так и жил в сторожке с голубями,
Заваленной зерном и отрубями,
На выселках, среди добротных хат,
Из крыши той труба торчала дулом,
А рядом, весь накрыт пчелиным гулом,
По вёснам зацветал вишнёвый сад.

Все кликали его одно – Иваном,
От старика в чужом тулупе рваном
До самого последнего юнца.
Юнцами приносили хлеб ему мы,
А если кто дразнить его задумал,
То получал немедля от отца.

Немолодой, с густою бородою
И шевелюрой на висках седою,
А на спине следы от рваных ран,
Никто в селе не знал, откуда взялся,
С других краёв пришёл и здесь остался,
А кто-то говорил, что он цыган.

И был он чем-то сломлен, несомненно,
Слегка хромой, но выправкой военной
Указывал на ту былую статью,
Которую ни кровью, ни боями,
Ножом и пулей, волчьими когтями
У русского солдата не отнять.

Иван беззлобным слыл и аккуратным,
Давно считался рукодельцем знатным,
Всё говорил и делал, неспеша.
Я б не сказал, что был он нелюдимым,
Скорей, «в себе», но под затворством мнимым
Голубкой белой пряталась душа.

А голубей ценил он больше бойных,
Щемило грудь от их полётов стройных,
Неволью растворялась грусть в глазах.
Лелеял птиц в лазури ветер слабый,
«Опять погнал», – перекликались бабы,
Несущие бельё в больших тазах.

Гурьбой мы у него бывали прежде,
Иван лез на чердак в худой одежде
И подавал нам голубей в руке.
Мы уходили, чаще по-английски,
А он цедил разбухший чай индийский,
Заваренный в армейском котелке...

Я вырос, возмужал, село покинул,
В рутине жизни подзабыл картины,
Те, что не встретишь в городских стенах,
Покуда не позвали в путь-дорогу
Спешащие шальной душе в подмогу
Сюжеты детства в еженощных снах.

Тянулись, крали время перегоны,
Стонали в голос, глухо охали вагоны,
И поезд неизбежно вёз туда,
Где разлилось моё в заплатах детство,
Где с мальчуганом, жившим по соседству,
Когда-то были не разлей вода.

А ближе к дому защемило сердце,
И вот она, крестом забита дверца
У входа в позабытый отчий дом.
По окнам – грубой шторой паутина,
В комоды – две рубашки из сатина,
И узнаётся всё с большим трудом.

Сидели долго с другом детства Борькой,
Грустили о былом, звенели рюмки с горькой,
Дым сигарет смягчал хмельной дурман.
И перед самым утренним туманом,
Когда уже казалась жизнь обманом,
Я вдруг спросил: «А жив ещё Иван?»

«Он тихо жил и так же тихо помер, –
Бурчал мой друг, рассматривая номер
На именном охотничьем ноже, –
Как оказалось, свет и краски жизни,
Любовь, семью, служение Отчизне
Оставил он на прошлом вираже.

Мы как-то с ним сидели, как с тобою,
В хмелю он рассказал тогда о бое,
В котором умирал от тяжких ран.
И видя только «духов» с «калашами»,
Забыв меня, пугая голубей с мышами,
Он звал друзей и проклинал Афган.

Он не погиб в тот день, хвала врачам и Богу,
Презрев огонь, снялись «вертушки» на подмогу,
Затем хирург оправдывал свой дар.
Ивану б дальше жить счастливым человеком –
От излечения ран и до скончания века,
Всё так и было б... Если б не пожар,

Который в ту проклятую годину,
Унес с собой его жену и сына,
Наполнив чашу боли до краёв.
Иван же пожалел, один у плит рыдая,
Что милостью небес не дотянул до рая
В каком-нибудь из яростных боёв.

Не смог он дальше жить на старом месте –
Петлял слепцом в дорожных перекрестьях,
Покуда не освоился в глуши,
А старая сторожка так и стала
Угрюмого конца его началом,
Причалом для растерзанной души».

Тут Борька смолк, затем продолжил снова:
«Воистину к благим судьба сурова!
Невольно усомнишься и в Творце.
Ад повидав в земной обычной жизни,
Иван нисколько не боялся тризны
И умирал с улыбкой на лице.

Лил дождь, Ивана хоронили просто:
Шли всем селом до тихого погоста –
Теперь там виден деревянный крест,
В его оградке – стройный ряд пионов,
Пронизан воздух колокольным звоном,
Он не забыт людьми из здешних мест.

Прошли года, вишнёвки мхом оделись,
Все голуби, конечно, разлетелись,
Сторожку разобрали по бревну,
А там нашли медали «За отвагу»
И фотографию, сокрытую в бумагу,
На ней сынишка обнимал жену...»

Мой друг ушел; я, сидя на пороге,
Смотрел, как на мои босые ноги
Заря стелила бледно-алый свет
И вспоминал своё шальное детство,
Печалась, что на этом свете средства
Вернуть его, по-видимому, нет...

Мать

Мать проводила сына на войну...
Сжимая крест в просоленном платочке,
Ночами пишет, хмурясь в тишину
И будто забывая ставить точки.

Тех робких строк отчаянный завет,
Упрятанный в нутро простых конвертов,
Хранит солдата от тоски и бед,
В грязи окопной бережёт от смерти.

Сын пропадает в пламени фронтов,
Где жизни рвутся легче швейной нитки,
А мать бранит дворнягу и котов
И не отводит взгляда от калитки...

Бойтся почтальон смотреть в глаза,
Шаги его безжалостны и громки.
Мать прячёт взор (а по щеке – слеза)
И ждёт. И ждёт, не веря похоронке.

Доверив плач лишь кухонным сверчкам,
На малый миг не изменив надежде,
Перебирает счастье по клочкам –
Понятное теперь, обыденное прежде.

Ждёт всё сильней, сильней день ото дня,
Не слушая жалеющих соседок,
Улыбку сына бережно храня,
Которой одарил он напоследок.

Она дожждётся – ночью или днём
Сын постучит в замшелое окошко,
Войдёт туда, где мысли все о нём,
Целуя нежно мамины ладошки.

Обнимет крепко, сникнет головой,
Переберёт в руке седые пряди,
В тиши раздастся: «Мама, я живой!»
«А я жила минуты этой ради...»

* * *

По дороге к храму
Древние старушки
Теребят полушки,
Да стучат клюками.

Нищие крестятся,
Умиляясь, плачут,
Кланяясь подачам.
Воробьи бранятся.

Девочки в платочках,
Тихие монашки,
Мальчуган в рубашке,
В тапках без носочков.

Во блаженстве мамы,
Как Христа, младенцев
Греют в полотенцах
У купели храма.

Молодых венчают,
Как веками прежде,
Тут не по одежде –
По душе встречают.

Осень блещет золотом,
Догорают клёны,
Колокольным звоном
Тишина распята.

Дол туман укутал
Божьей благодатью,
Растянулись гатью
В вечности минуты.

По дороге к храму
Люд стремится к Богу,
Узкой той дорогой,
Да прямою самой.

Поиграй мне, цыган

Поиграй мне, цыган, пусть гитара звучит,
Отогрей мою душу в промозглой ночи,
Закручинься навзрыд, потоскуй о любви,
Отыщи россыпь нот в своей дикой крови,
Приласкай сети струн, замани, растревожь,
Я давно не страдал, я, цыган, толстокож.
Нет, играй веселей, к чёрту эту печаль!
Не грущу ни о чём, просто времени жаль
Прожитого тайком, про себя, невпопад.
Что я видел? Дворы, да в окне листопад,
Крепостных городов захоластную тишь...
А ты вольный, цыган! Ты живёшь, не коптишь!
Растопи в моём сердце арктический лёд,
Поиграй, пусть в нём лучше надежда живёт,
Чтоб мне чудилась степь, а в степи табуны,
По округам янтарь светлоокой луны,
Чтоб гудели шатры на пьянящем ветру,
Чтобы пляски теней приближались к костру,
Чтоб я снялся в галоп на лихом жеребце,
А в ушах только свист, да восторг на лице!
Не жалею, струны рви, я, цыган, не шучу,
Я не беден, отнюдь, и за всё заплачу.
Расскажи мне, цыган, как танцует она,
В красном платье – твоя молодая жена,
Как смывает дождём пыль с босых её ног,
Повидавших так много избитых дорог.
Я твоею гитарой, как брагою, пьян,
Ты уходишь? Постой...Я с тобою, цыган!

Девушка, сидящая на скале

Свободная от мира, налегке,
Она с высот седых, могучих круч
Следит, как тает след осенних туч,
Как режет звонкий воздух редкий луч,
Блистая отражением в реке,

Как обнимает землю жёлтый лист,
Как журавлиный клин разносит вдаль
Тягучую октябрьскую печаль,
А горный лес, будто святой Грааль,
Исполнен кровью, девственен и чист.

Сидит, окинув взглядом небеса,
А где-то далеко бегут года,
Гудят и суетятся города,
Встречают-провожают поезда...
А здесь воркует ветер в волосах.

Не счесть красоток жгучих на земле,
Открой глаза, иди во все пути,
Они глядят с экранов и картин,
Но в этот час прекрасней не найти
Той девушки, сидящей на скале.

* * *

Мне хочется с тобой молчать
В простых томленьях сладкой муки
И, не срывая с уст печать,
Лишь нежно гладить твои руки.
Молчать без книг и новостей
О прошлом, странном и неважном;
О песнях бурь былых страстей,
Уплывших кораблём бумажным;
О красках мимолётных дней,
О бледно-розовых закатах,
О волшебстве ночных огней,
Тисками города зажатых;

О тех местах, где океан
Шептаньем волн лагуны будит;
О том, как лёгкий наш роман
Перерастал в сплетенье судеб;
О нашей комнате с окном –
Двух душ спасительном ковчеге,
С утра насыпанном на нём
Негаданном апрельском снеге,
О бликах солнечных полос
В углу с младенцем и Мадонной;
О том, как шёлк твоих волос
Струится по моим ладоням...
Мне нравится с тобой молчать
О простоте земного счастья –
Бесмысленно о нём кричать
В тиши небесного всевластья.

«Хрустальный родник», 2017 г.